

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

ТРАДИЦИОННОЕ РЫБОЛОВСТВО НА ЮГЕ РОССИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЭКОЛОГИЯ)

ЭО, 2013 г. № 5

© А.Н. Ямсков**, Т.Ю. Власкина*

РЫБОЛОВЕЦКИЕ СООБЩЕСТВА И ТРАДИЦИОННОЕ РЫБОЛОВСТВО НА КАЗАЧЬЕМ ЮГЕ РОССИИ

Ключевые слова: рыболовство, рыболовецкие сообщества, этнография хозяйства, казаки, заселение южной России

Предваряя серию статей по истории и этнографии традиционного рыболовства преимущественно казачьего населения низовьев Дона, Волги и долины Терека, авторы кратко рассматривают роль этой отрасли хозяйства на стадии формирования и последующего развития казачества Юга России. В статье также анализируются некоторые экологические, экономические и правовые аспекты организации рыболовства, в частности, причины истощения рыбных ресурсов и конфликты между рыболовецкими сообществами и государством в сфере регулирования вылова и охраны рыбы.

** **Анатолий Николаевич Ямсков** – доцент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН: Yamskov@iea.ras.ru

* **Татьяна Юрьевна Власкина** – научный сотрудник Лаборатории филологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований и заведующая музеем Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону): vlaskiny@mail.ru

Рыболовство – одна из присваивающих отраслей хозяйства, которая, наряду с охотой и собирательством, издавна привлекала внимание этнологов, археологов и историков. Зависящие преимущественно от этих отраслей хозяйства локальные сообщества наиболее ярко демонстрируют неразрывную связь человека с природой, то есть прямую зависимость жизнеобеспечения населения от наличия и доступности того или иного биологического возобновимого ресурса (такого, например, как рыба), который к тому же может довольно быстро истощиться при чрезмерной эксплуатации, или «перепромысле». Поэтому почти всегда при изучении рыболовецких сообществ или традиционного рыболовства даже специалисты исторического профиля, в том числе и авторы представленных ниже статей, выходят на имеющие эколого-экономическое содержание проблемы истощения рыбных ресурсов, причины снижения уловов и кризиса данной отрасли хозяйства.

Этим же, кстати говоря, объясняется и особый интерес этноэкологов или эколого-антропологов к группам населения, поныне сохраняющим зависимость от подобных отраслей хозяйства и в том числе от рыболовства (о соотношении и параллелях между отечественной этноэкологией и зарубежной экологической антропологией см., например: Ямсков 2011). Так, одна из ведущих современных американских эколого-антропологов,

с. 3

Бонни Маккей, первоначально специализировалась именно на изучении приморских рыболовецких сообществ северо-восточного побережья США и восточной Канады (см., например, ее обзор исследований по экологической антропологии рыболовства: *McCaу* 1978; см. также об изучении и практическом применении локальных экологических знаний членов рыболовецких сообществ – *McCaу et al.* 2006).

Есть также еще целый ряд причин, обуславливающих повышенное внимание специалистов исторического профиля к рыболовецким сообществам и к традиционному

рыболовству. Во-первых, рыболовство является одним из наиболее надежных способов обеспечения человека пищей, причем белковой – наиболее ценной для вида *Homo sapiens* (если, конечно, в силу природных условий рыбные ресурсы в данной местности достаточны и не были истощены чрезмерным промыслом). Появление эффективных орудий лова типа сетей и различных ловушек, способных обеспечить человека сразу большим количеством рыбы, собственно говоря, и ознаменовало рождение рыболовства как особой отрасли хозяйства (см., например: *Федоров 1963: 184*). Тогда же, в мезолите начинается переход к оседлому образу жизни и появляются первые долговременные оседлые поселения рыболовов (*Гурина 1991: 234*). Во-вторых, в рамках рыболовства ярко проявляется процесс исторической эволюции орудий и технологий лова, от эпизодического сбора рыбы руками в пересыхающих сезонных водоемах или лова руками на стремнинах во время сезонного хода на нерест лососевых рыб, что несомненно практиковали еще далекие предки человека, до добычи копьем, а потом и специализированной острой или гарпуном, ужения, ловли сетями и ловушками, и, наконец, появления высокомеханизированных океанских флотилий с их специализированными рыболовецкими судами и морскими плавучими базами по переработке продукции.

Наконец, в-третьих, как уже было отмечено выше, именно рыболовство дает многочисленные печальные примеры перепромысла, когда вылов в размерах, превышающих способности промысловых популяций рыб к воспроизводству, приводит к сокращению их численности и тем самым наносит ущерб данной отрасли хозяйства. Достаточно сказать, например, что во всех основных 17 продуктивных рыбопромысловых зонах Мирового океана промысел уже давно достиг максимально возможных величин, а в 9 из них, из-за начавшегося истощения рыбных ресурсов, постепенно снижается (*Голубев 2002: 229*). Показателен также пример прибрежных вод Ньюфаундленда, в которых рыбаки из Западной Европы, а потом и местные поселенцы-канадцы, с начала XVII в. вели

промысел северо-западной популяции атлантической трески. Но в 1992 г. ее запасы были полностью истощены и до сих пор не восстановились, так что правительство Канады вынужденно запретило в своей экономической зоне лов ньюфаундлендской трески впервые за столь долгий исторический период (*Bavington* 2011: 34).

Если же перенести внимание с рыболовства как отрасли хозяйства и природопользования на рыболовецкие сообщества и особенности их культуры, то тут мы можем увидеть много весьма важных для этнологии сюжетов. Речь идет о таких, например, вещах, как отражение этой профильной отрасли хозяйства в обрядах жизненного цикла и в фольклоре, в системе питания (в том числе в повседневных, праздничных и ритуальных блюдах), степень зависимости годового цикла жизнедеятельности (и «народного календаря») от сезонов рыбной ловли, роль продукции рыболовства в обменных либо торговых связях, социальные механизмы распределения наиболее продуктивных участков для лова рыбы и перераспределения улова в рамках всего местного сообщества (а не только семей рыбаков), отношение членов рыболовецких сообществ к государственным мерам по регулированию добычи и охране рыбных ресурсов, и т.д. Последнее, кстати говоря, ставит интереснейший теоретический вопрос о причинах и масштабах возможного несовпадения между нормами обычного права и

с. 4

государственного права, а также и вполне практическую проблему эффективного разрешения таких конфликтов в сфере природопользования.

В отечественной этнологии существует немало исследований традиционного рыболовства и рыболовецких сообществ (см., например: Реки 2007). При этом основное внимание преимущественно уделялось коренным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока (Природа 1997), у которых рыболовство играет значительную роль в традиционном хозяйстве, особенно в Приамурье (История 2003; Смоляк 1984) или в

бассейне Оби (*Головнев 1993; Федорова 2000*). Советские и российские этнологи писали также и о таком классическом примере высокоспециализированных рыболовецких сообществ, как индейцы Северо-Запада Северной Америки, то есть тихоокеанского побережья США и Канады (*Гринев 1991*).

В данном случае, по инициативе одного из авторов этих строк, Т.Ю. Власкиной, и на основе ее обширных профессиональных связей среди этнологов и историков Юга России, мы постарались организовать серию публикаций по истории и этнографии рыболовецких сообществ и традиционного рыболовства в казачьих районах. В итоге читатель может ознакомиться с описанием и анализом традиционного рыболовства и его роли в жизни казачьего населения Терека (*Н.Н. Великая*), низовьев Дона (*Т.Ю. Власкина*) и Волги (*А.В. Курышев*), а также колонистов (преимущественно немцев) и русских крестьян на Нижней Волге (*В.Н. Медведев*). Все наши авторы, естественно, касаются также технологий лова и применявшихся рыболовецких орудий, но для более подробного ознакомления с этой важнейшей составляющей рыболовства можно также посоветовать читателю обратиться к классическому исследованию по этнографии восточных славян, содержащему подробные описания и схематичные рисунки большинства орудий рыболовства, в том числе и упоминаемых ниже (*Зеленин 1991: 100–108*).

Таким образом, наша подборка охватывает южнороссийские территории, население которых исторически связано в хозяйственно-экономическом плане с рыболовецким промыслом, а в культурно-генетическом – с казачеством. Естественно, для полноты картины не хватает материалов по рыболовству на Кубани. Вероятно, со временем такая публикация продолжит поднятую тему, а пока можно рекомендовать недавнее монографическое исследование (*Кузнецова 2009*) и специализированную статью (*Семенцов 2008*).

Интересно отметить, что в сознании нашего современника казак – это типичный «человек степи», лихой наездник, которого легко представить с шашкой и нагайкой на

фоне бескрайних равнин, покрытых ковылем и другими степными травами, с поднимающимися на горизонте курганами. Но знакомство с историей возникновения и ранними этапами хозяйственного развития казачества дает совсем другую картину. Первые восточнославянские группы, проникшие далеко на Юг, в низовья крупнейших рек степной зоны Восточной Европы и давшие начало казачеству, представляли собой существенно иную социально-культурную общность. Типичным представителем раннего казачества был «человек реки». Во-первых, именно большая равнинная река с широкой долиной и обширной поймой, почти непроходимыми плавнями (периодически затапливаемыми зарослями тростников, ив и т.п.) и густыми в те времена пойменными лесами давала ему укрытие от многочисленных и враждебных степных кочевников. Во-вторых, многоводная река была достаточно надежным, а зачастую и единственным источником пищи – рыбы и водоплавающей дичи, в условиях, когда постоянная военная опасность не только сдерживала развитие производящих отраслей хозяйства, но и ограничивала подвоз продовольствия из России. В-третьих, реки обеспечивали первым восточнославянским поселенцам относительно безопасные от соседей-кочевников водные пути сообщения, позволяли быстро и незаметно перемещаться на большие расстояния, связываться с соседними сообществами таких же приречных жителей.

с. 5

В XVI–XVII вв. ватаги казаков на легких стругах, оснащенных небольшими пушками, превращаются в настоящих пиратов. Они совершают набеги на территории вдоль Волги и на каспийское и черноморское побережья. По мере сложения специфической системы ценностей, рыбная ловля, наряду с охотой и военными набегами, составила традиционное содержание казачьих промыслов. Эти занятия долгое время имели более высокий статус, чем хлебопашество и ремесла, поскольку ассоциировались со свободой в хозяйственных предприятиях и дистанцировали вольное казачество от

зависимого крестьянства. Однако и со сменой мировоззренческих приоритетов рыболовецкий промысел в среде казачества был по-прежнему популярен. Этому, как правило, способствовали особенности размещения казачьих войск: исторически, а затем и согласно сословному статусу и государственным функциям, казаки занимали малоосвоенные пограничные земли с неистощившимися еще природными ресурсами. Расширение южных границ России происходило в контексте борьбы за выход к Черному и Азовскому морям, так что здесь казачьи войска оказались владельцами прибрежных территорий и устьевых участков крупнейших европейских рек с их рыбными богатствами. Отсюда фантастические уловы, постепенно уходящие в область преданий, и высокая доходность при сравнительно небольших усилиях.

Неудивительно поэтому, что рыболовецкие традиции так хорошо и долго сохранялись в среде казачьего населения Юга России, и это делает историко-этнологическое исследование последних весьма перспективным занятием.

Приоритетная роль рыболовства на ранних этапах истории казачества, в сочетании с рядом других специфических черт их хозяйственно-бытового уклада, позволила исследователям подойти к определению хозяйственно-культурного типа казачества этого периода как военно-промыслового (*Мининков* 1998: 145; *Великая* 2001: 98–124). К системному рассмотрению данного явления на материалах по рыболовецким традициям терских казаков обращается Н.Н. Великая в предлагаемой ниже статье. Данный вопрос имеет общетеоретическое значение в связи с этнологическим изучением казачьих сообществ, поскольку значимость рыболовства – известное и весьма характерное явление для всех первоначально самостоятельно сформировавшихся войск. Достаточно вспомнить уральское казачье войско, с его высокоорганизованным и развитым рыболовством, о котором как «главном источнике их богатства» применительно к XVIII в. писал посетивший впоследствии те места А.С. Пушкин (*Пушкин* 1969: 9). Именно по рыболовству уральцев существуют весьма подробные исследования как современных

специалистов (*Дубовиков 2008; Дубовиков 2011; Южакова 2008* и др.), так и авторов XIX – начала XX вв. (*Бородин 1901; Данилевский 1890*). В то же время рыболовецким традициям других казачьих сообществ до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Кроме того, нуждается в изучении и такое типичное явление, как временное обращение к промыслу казаков тех войсковых подразделений, которые создавались по инициативе имперского правительства начиная с XVIII в. В период становления войсковых структур и освоения отведенной для проживания территории, когда проблема продовольственного самообеспечения стояла особенно остро, значимость подобного источника пропитания вполне закономерна. Не только казачьи, но и многие другие переселенческие сообщества, формирование которых проходило в контексте адаптации к особым природно-климатическим условиям, переживали этап возврата к более примитивным и архаическим формам ведения хозяйства. Однако аксиологическое восприятие промысловой деятельности, связанное с саморепрезентацией казачества как общности с особым социальным статусом (о чем мы уже упоминали выше), заставляет рассматривать данное занятие не только в экономическом, но и в мировоззренческом аспекте (об этом, в частности, пишет Т.Ю. Власкина на примере казаков в низовьях Дона).

Есть еще один сюжет, имеющий отношение и к исследованию казачества, и к истории развития рыболовецких традиций, который оказывается в поле зрения читателя

с. 6

в результате избранного нами подхода к теме. Публикация в одной подборке материалов о рыбаках из близких по этносоциальным характеристикам сообществ, рассредоточенных в пределах обширного южнороссийского макрорегиона, позволила обнаружить некоторые закономерности. Среди этих закономерностей – преемственность способов ловли, достаточно большая доля одинаковых или близких по конструкции орудий лова, заметное сходство основных рыболовецких судов и вариантов их специализации. Одновременно,

каждое из описанных сообществ продолжало использовать по мере надобности более примитивные или оригинальные средства. Все это говорит о промысле как о сфере контактов и заимствования улучшающих инноваций, об этнографической «многослойности» рыболовецкой традиции и о существенной роли казачества в распространении однотипной промысловой культуры на Юге России.

Представленные ниже тексты, написанные в значительной мере по архивным и литературным материалам XVIII – XIX вв., позволяют также увидеть, как исторически быстро и существенно могут меняться значения слов, в данном случае – характеризующих рыболовство. Наши русскоязычные современники практически безоговорочно воспринимают выражение «красная рыба» как описание лососевых, подавляющее большинство видов которых действительно имеет красный или красноватый оттенок цвета мяса как в свежем, так и в приготовленном виде. Однако как минимум до начала XX в. включительно на реках Юга России эти слова – красная рыба – относились к осетровым как наиболее ценным видам рыб, исходя из стоимости их мяса и икры. Так, применительно к Уралу «красной рыбой» называли, в частности, осетра и белугу (*Бородин 1901: 22–23, 25*), в низовьях Волги – осетра, белугу, севрюгу, стерлядь (*Платонов 2013*). В самом начале XX в. И.Д. Кузнецов в первой главе своей обобщающей работы писал следующее: «Осетровые рыбы, известные у нас под общим названием "красной" (т.е. отменно хорошей рыбы) ...», и он же во второй главе называет севрюгу «красной рыбой», вылавливаемой в Тереке (*Кузнецов 1902*). Поэтому, например, некоторые современные специалисты, описывая реалии казачьего рыболовства прошлого и не желая невольно запутать современного читателя, ставят слова «красная рыба» в кавычки (*Дубовиков 2008: 165*). Но наши авторы пишут их без кавычек, на что мы обращаем внимание читателя.

С точки зрения истории и этнографии рыболовства и рыболовов, особый интерес представляет вопрос об обычно-правовых нормах, определяющих отношение членов рыболовецких сообществ к допустимому объему вылова, возможным сезонам лова и,

главное, к регулирующей роли государства в этой сфере. Как отмечает Н.Н. Великая, на Тереке, например, государство попыталось уже в середине XVIII в. ввести нормирование максимально разрешенного вылова наиболее ценной «красной» рыбы, т.е. осетровых, на одного человека. В статьях А.В. Курышева и Т.Ю. Власкиной описаны еще более жесткие меры правительства по ограничению товарного рыболовства волжских казаков (в те же примерно годы) и борьба с правонарушителями в донских гирлах (в XIX – начале XX в.). Однако и по опыту начала XXI в. нам всем хорошо известно о, мягко говоря, частых и довольно массовых нарушениях правил рыболовства местным населением, в значительной степени живущим за счет этой отрасли хозяйства, не говоря уже о принявшем промышленные масштабы браконьерском промысле осетровых рыб на Каспии и впадающих в него реках. Так что вопрос о компромиссе при государственном регулировании природопользования между интересами государства и местного населения остается, на наш взгляд, открытым и чрезвычайно важным.

Возможно, в самом первом приближении приемлемое решение для регионов, где рыболовство поныне сохраняет важную роль в жизнеобеспечении населения и воспринимается им как элемент традиционного образа жизни и хозяйства, лежит в плоскости четкого разведения и принципиально разного правового регулирования

с. 7

[Фотография]

Рис. 1. Рыболовные снасти сак и пацака (варианты донного трала), широко использовавшиеся в рыболовецких колхозах на Дону в 1930–1970-е гг. – в настоящее время доказано, что применение донных тралов ведет к уничтожению кормовой базы и рыбной молоди. Эти снасти запрещены для использования на промысле, но применяются в научных целях для забора биоматериала. 2012 г. Фото из архива музея ЮНЦ РАН.

различных видов рыболовства. Вероятно, такой подход может быть поддержан большинством местных жителей и потому реально воплощен в жизнь. Итак, с одной стороны, это, условно говоря, «традиционное рыболовство» преимущественно для

домашнего употребления, включающее консервацию рыбы для последующего использования и продажу либо передачу части улова соседям и родственникам и подразумевающее довольно жесткие ограничения норм вылова на домохозяйство при минимальных ограничениях по времени и местам лова. Совсем другое дело – промышленное, или коммерческое, рыболовство с целью продажи продукции и получения дохода, где обязательны высокие допустимые нормы вылова, но при условии очень жесткого ограничения мест и времени разрешенного лова. Наконец, браконьерское рыболовство должно эффективно подавляться и быть в итоге полностью искоренено. Остается еще любительское рыболовство, то есть ужение рыбы в основном для развлечения, которое, ввиду малых размеров возможного улова, не имеет серьезного хозяйственного значения. Его не надо практически никак ограничивать, исключая, конечно, запреты на лов в некоторые наиболее важные для жизненного цикла рыб периоды года (сезоны нереста).

Проблема соотношения обычно-правового и государственного регулирования рыболовства выводит нас и на другие вопросы, имеющие комплексный экологический, экономический и правовой характер. Их затрагивают, в частности, наши авторы, которые пишут о конкретных примерах истощения рыбных ресурсов и подрыва этой отрасли хозяйства на Юге России в XIX в. Именно в этой сфере зарубежные эколого-антропологи и отечественные этноэкологи смогли сформулировать несколько обобщающих концепций, объясняющих или, точнее, моделирующих причины и механизмы хищнического природопользования, в итоге уничтожающего используемые биоресурсы.

с. 8

[Фотография]

Рис. 2. Лов пацакой в гирле Свинном на Дону. Июнь 2012 г. Благодаря тому, что забором проб занимаются местные жители, работающие на береговой научно-экспедиционной базе ЮНЦ РАН, мы имеем возможность зафиксировать технологию использования данного орудия. Фото из архива музея ЮНЦ РАН.

Во-первых, краткосрочная аренда рыболовных участков промышленниками, ведущими коммерчески ориентированный лов, при отсутствии ответственности последних за состояние рыбных ресурсов после прекращения срока аренды – классический путь к неизбежному перепромыслу и истощению запасов рыбы, то есть к подрыву этой отрасли хозяйства. Эколога-антропологи неоднократно анализировали эту коллизию применительно к самым разным биоресурсным видам природопользования, и результат был всегда один – временные пользователи, которым совершенно все равно, что будет на используемом ими участке после окончания срока аренды, ведут хозяйство самым хищническим образом и истощают используемые ими возобновимые природные ресурсы (анализ этой проблемы на примере естественных пастбищ и скотоводства см.: *Одум* 1986: 146). На примере рыболовства в казачьих областях Юга России Н.Н. Великая в предлагаемой ниже статье тоже отмечает, что на Тереке во второй половине XIX века именно аренда участков предпринимателями для промышленного лова стала важнейшей причиной истощения рыбных ресурсов.

Частичным выходом из такой ситуации может быть полный запрет краткосрочной аренды и переход на длительные сроки передачи мест лова в аренду (на 5–7 или более лет). Но главное решение – введение правила отчетности арендатора за состояние рыбных ресурсов после истечения срока аренды, которое не должно быть хуже, чем при начале аренды, а в противном случае – наказываться очень серьезными штрафами, способными разорить рыбопромышленника и тем самым вывести его из этой сферы деятельности. Подобное эффективное решение проблемы, неминуемо возникающей при аренде участков для временного использования биоресурсов, возможно, однако, только при наличии профессионально подготовленной и некоррупцированной природоохранной службы. Так что в нашей действительности зачастую продуктивнее поддерживать отказ от краткосрочной аренды рыболовных участков в пользу долгосрочной аренды как некоего паллиатива действенного решения проблемы.

[Фотография]

Рис. 3. Хребтина или перетяжка (связка крючьев на поводках с поплавками) – традиционная снасть для ловли осетровых из коллекции музея ЮНЦ РАН. Крюковые снасти строго запрещены, но по нашим наблюдениям, полностью их бытование в низовьях Дона не прекратилось до сих пор. Фото из архива музея ЮНЦ РАН.

Во-вторых, ставший широко известным со времени выхода статьи американского эколога Г. Хардина (*Hardin 1968*) феномен «трагедии общинных ресурсов» (*tragedy of the commons*) также позволяет понять причины истощения рыбных запасов в ряде случаев (см. подробнее об этой проблеме в сфере природопользования и ее возможных решениях: *Ямсков 2012; McSay 2002*). Вслед за Г. Хардиным под «трагедией общинных ресурсов» обычно понимается ситуация, возникающая тогда, когда все еще сохраняются «общинные», то есть находящиеся в коллективном нерегулируемом использовании, биоресурсы (рыба, дичь, естественные пастбища), но при этом происходит многократный рост нагрузки на них. Это очень серьезное усиление эксплуатации биоресурса может иметь место вследствие перехода к товарно-денежным отношениям (ранее члены общины добывали рыбу для самообеспечения, а теперь – в основном на продажу, что значительно увеличивает вылов), принципиальных изменений в технологиях (ранее ловили небольшими и легко рвущимися сетями с весельных лодок, а теперь – крепкими большими сетями с моторных лодок) или в численности и плотности населения (ранее за счет рыбных ресурсов конкретного участка реки жила община численностью в сто человек, а теперь – в пятьсот человек).

Главное в этой проблеме «трагедии общинных ресурсов» – сохранение практики коллективного нерегулируемого использования биоресурса (когда каждый местный житель добывает столько, сколько считает нужным, как это и было испокон веков, и никто не имеет права его ограничивать в размерах вылова) при принципиально иной мотивации ресурсопользования, или иных технологиях либо совсем другом размере

сообщества пользователей. Известны и решения этой коллизии – либо нормирование нагрузки на биоресурс (например, установление лимита на максимальный вылов на семью), либо «приватизация» биоресурса (раздел рыбопромысловой акватории на отдельные участки для каждого хозяйства либо группы хозяйств близких родственников).

с. 10

Вероятно, именно как своеобразное проявление «трагедии общинных ресурсов» можно интерпретировать конфликт в сфере рыболовства между разными частями терского казачьего войска (Н.Н. Великая), имевшими исторически различное происхождение. Так, жившие в низовьях у г. Кизляра казаки в основном донского происхождения в некоторые годы просто перегораживали сетями реку, не пропуская идущих на нерест осетровых рыб вверх по течению к другим станицам с гребенскими казаками. В такие годы непропорционально много рыбы удавалось выловить в низовьях, но при этом практически полностью нарушался ее нерестовый цикл и неизмеримо меньшая, чем обычно (и чем требовалось для поддержания численности промысловой популяции), часть рыбы проходила выше по течению, что и подрывало общие рыбные запасы в Тереке.

Но если пример Терека показывает несогласованность в ряде случаев действий разных территориальных частей терского казачьего войска в сфере рыболовства, когда казаки исходили из интересов только своих станиц, а не всех жителей бассейна этой реки, то на Урале в конце XIX в. та же «трагедия общинных ресурсов», тоже вызвавшая снижение запасов рыбы и уловов, имела другие проявления. На Урале казачество смогло создать на удивление эффективную систему самоуправления в организации рыболовства и охране рыбных ресурсов, добившись, например, запрета использования пароходов в 1880 г. как якобы мешающих нересту рыбы и ее лову (Дубовиков 2008: 164). Но главное достижение уральских казаков – создание своего рода рыбоохранной службы на реке

Урал и в каждой станице, которая определяла сроки лова и регламентировала используемые орудия (*Бородин* 1901: 7–8, 30–31; *Данилевский* 1890: 453, 477; *Дубовиков* 2008: 163–164, 165; *Дубовиков* 2011: 279). Однако рост численности уральских казаков примерно в 4 раза в течение XIX в. (*Дубовиков* 2011: 276) и параллельно шедшее усиление товарности рыболовства, когда все бóльшую долю улова старались направить не на собственное потребление, а на продажу, при типичном для общинного уклада отсутствии нормирования размера разрешенного вылова (о последнем см., например: *Данилевский* 1890: 495; *Южакова* 2008: 68), тоже в итоге подорвали рыбные запасы в Урале, заметно понизив уловы к самому концу XIX в. (*Бородин* 1901: 19, 24; *Данилевский* 1890: 499).

Вопросами интерпретации коллизий, возникающих внутри рыболовецких сообществ или между их членами и государственными органами по отношению к используемым рыбным ресурсам и мерам по их охране, занимаются многие зарубежные и отечественные специалисты в междисциплинарных областях знаний, возникших в рамках культурной антропологии или этнологии и развивающихся преимущественно благодаря усилиям антропологов и этнологов. Речь идет о таких направлениях исследований, как экологическая антропология (этноэкология), юридическая антропология, экономическая антропология. Выше мы попытались представить некоторые выводы из такого рода работ, которые позволяют несколько полнее понять и оценить отмеченные нашими авторами проблемы традиционного рыболовства и хозяйственной жизни рыболовецких сообществ на казачьем Юге России в XVIII – XIX вв. Но, конечно, и без подобных дополнений предложенный в этой подборке статей анализ истории развития рыболовства и его роли в хозяйстве и жизни населения в казачьих областях на Юге России, т.е. на Тереке, Волге и Дону, представляет большой интерес для этнологов и историков. Здесь, как показывают наши авторы, в XVIII – XIX вв. и позднее рыболовство имело важное, а часто и ведущее значение в плане обеспечения населения продуктами питания и было существенным или даже приоритетным источником денежных доходов. Но ведь в целом, по словам Д.К.

Зеленина, «лишь в очень немногих районах рыбная ловля является у восточных славян основным способом добывания пищи» (Зеленин 1991: 100). Это замечание признанного знатока русской этнографии делает историко-этнологическое изучение традиционного рыболовства казачества и других групп русского населения Юга России особенно интересным и перспективным.

с. 11

Литература:

Бородин 1901 – Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. СПб: Издание «Вестника казачьих войск». 1901. (Раздел «Уральское казачество», сайт «Россия и Казахстан: историческое и этнокультурное взаимодействие»: <http://kz.ethnology.ru/win/ural.html>).

Великая 2001 – Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.

Головнев 1993 – Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1993.

Голубев 2002 – Голубев Г.Н. Глобальные изменения в экосфере. М., 2002.

Гринев 1991 – Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867). Новосибирск: Наука. 1991.

Гурина 1991 – Гурина Н.Н. Заключение // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Ред. Н.Н. Гурина. Л., 1991. С. 233–236 [Раздел «Каменный век – энеолит», сайт «Страницы истории рыболовства»: <http://histfishing.ru/biblio/tema/2-thestoneage>].

Данилевский 1890 – Данилевский Н.Я. Краткий очерк уральского рыбного хозяйства // Сборник политических и экономических статей Н.Я. Данилевского. СПб.: Издание Н. Страхова. 1890. С. 452–500 (Раздел «Новое и новейшее время: рыбная

промышленность и ее исследования (издания до 1917 г.)», сайт «Страницы истории рыболовства»: <http://histfishing.ru/biblio/alfavit/1-biblio/29-novoe-i-novejshee-vremya-rybnaya-promyshlennost-i-ee-issledovaniya-izdaniya-do-1917-g>).

Дубовиков 2008 – *Дубовиков А.М.* Рыболовство как важнейший элемент традиционной культуры уральского казачества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 2. С. 162–167 (Раздел «Новое и новейшее время: рыбная промышленность и ее исследования», сайт «Страницы истории рыболовства»: <http://histfishing.ru/biblio/tema/1-fishfauna>).

Дубовиков 2011 – *Дубовиков А.М.* Рыболовство как исторический феномен в повседневной культуре уральского (яицкого) казачьего войска // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 4 (60). Вып. 2. С. 273–280 (Раздел «Новое и новейшее время: рыбная промышленность и ее исследования», сайт «Страницы истории рыболовства»: <http://histfishing.ru/biblio/tema/1-fishfauna>).

Зеленин 1991 – *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. Пер. с немецкого К.Д. Цивиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991 (Серия «Этнографическая библиотека»).

История 2003 – История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. Ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2003.

Кузнецов 1902 – *Кузнецов И.Д.* Очерк русского рыболовства (промысел различных водяных животных). С.-Пб.: Типография В. Кирбаума, 1902 (Сайт «Небольшая библиотека старых книжек»: <http://www.book-ist.ru>).

Кузнецова 2009 – *Кузнецова А.С.* Становление и развитие азовских рыболовных промыслов на Кубани (XVIII–XX вв.). Славянск-на-Кубани: Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт, 2009.

Мининков 1998 – *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1998.

- Одум* 1986 – *Одум Ю.* Экология. Т. 1. М.: Мир, 1986.
- Платонов* 2013 – *Платонов А.Г.* 405 лет рыбному промыслу в Хвалынском крае // Сайт «Хвалы́нск-City»: <http://hvalynskcity.narod.ru/Menu7/20080412/index.htm> (обращение 15.04.2013 г.)
- Природа* 1997 – *Природа и цивилизация: Реки и культуры.* Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Европейский Дом, 1997.
- Пушкин* 1969 – *Пушкин А.С.* История Пугачева. Собр. соч. в 6 томах. Т. 6. М.: изд. «Правда» (Библиотека «Огонек»). 1969. С. 5–150.
- Реки* 2007 – *Реки и народы Сибири.* Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007.
- Семенцов* 2008 – *Семенцов М.В.* Материалы по историческому природопользованию кубанских казаков (II половина XIX – начало XX в.) // Кубанский сборник. 2008. Т. 3 (24). Ч. I. История
- с. 12
- и археология (Раздел «Кубанский сборник», сайт «Историко-культурное наследие Кубани»: <http://www.gipanis.ru/?level=107&type=page/>)
- Смоляк* 1984 – *Смоляк А.В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука. 1984.
- Федоров* 1963 – *Федоров В.В.* К вопросу о времени возникновения рыболовства на территории европейской части СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. Т. XXI. М.; Л., 1963. С. 172–184 [Раздел «Каменный век – энеолит», сайт «Страницы истории рыболовства»: <http://histfishing.ru/biblio/tema/2-thestoneage>].
- Федорова* 2000 – *Федорова Е.Г.* Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом. 2000.

- Южакова* 2008 – *Южакова Т.Л.* Традиции в рыболовстве казачества на реке Урал (рубеж XIX–XX веков) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4 (29). С. 67–70 [Раздел «Новое и новейшее время: этнография, краеведение, фольклор», сайт «Страницы истории рыболовства»: <http://histfishing.ru/biblio/tema/10-ethnography>].
- Ямсков* 2011 – *Ямсков А.Н.* История развития и основные направления эколого-антропологических исследований в науке США // Гуманитарная экология и мир человека. Киров, 2011. С. 39–51 [Раздел «Работы А.Н. Ямскова», сайт «Этническая экология»: <http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html>].
- Ямсков* 2012 – *Ямсков А.Н.* Дефиниция и этноэкологические аспекты феномена «трагедии общинных ресурсов» // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. Вып. 3. Редколлегия: Н.А. Дубова (отв. ред.), Н.И. Григулевич, Л.Т. Соловьева, А.Н. Ямсков. М.: ИЭА РАН. 2012. С. 231–247 (Раздел «Работы А.Н. Ямскова», сайт «Этническая экология»: <http://ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html>)..
- Bavington* 2011 – *Bavington D.* Managed Annihilation: An Unnatural History of the Newfoundland Cod Collapse. Vancouver: The University of British Columbia Press. 2011.
- Hardin* 1968 – *Hardin G.* The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. № 3859. P. 1243–1248.
- McCay* 1978 – *McCay B.* Systems Ecology, People Ecology, and the Anthropology of Fishing Communities // Human Ecology. 1978. Vol. 6. Issue 4. P. 397–422.
- McCay* 2002 – *McCay B.J.* Emergence of Institutions for the Commons: Contexts, Situations, and Events // The Drama of the Commons. Eds.: E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolšák, P.C. Stern, S. Stovich, E.U. Weber. Washington, DC: National Academy Press. 2002. P. 361–402.
- McCay et al.* 2006 – *McCay B., Johnson T., St. Martin K., Wilson D.* Gearing up for Improved Collaboration: The Potentials and Limits of Cooperative Research for Incorporating

Fishermen's Knowledge // American Fisheries Society Symposium. 2006. Vol. 52. P. 111–115.

A.N. Yamskov, T.Y. Vlaskina. Fishing Communities and Traditional Fishing in the Cossack South of Russia

Keywords: fishing, fishing community, ethnography of economic life, Cossacks, settling southern Russia

Introducing the series of articles on the history and ethnography of traditional fishing, focusing principally on the Cossack population of lower Don, Volga, and Terek valley regions, the authors briefly overview the part played by this economic occupation at the stage of formation and later development of the Cossack south of Russia. The article further examines ecological, economic, and legal aspects in the organization of the fishing industry, drawing attention to the causes of the depletion of fish resources and conflicts between the fishing communities and the state in the domain of regulating fishing capacities and protecting fish.